

УДК 904

DOI 10.24411/2309-4370-2019-13211

Статья поступила в редакцию 25.04.2019

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ПАЛАШЕЙ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ В I–II ВВ. НАШЕЙ ЭРЫ

© 2019

Малых Олег Олегович, научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В современных археологических исследованиях наметился переход от описания и систематизации имеющихся находок к попыткам рассмотреть возможные варианты процессов или даже событий, приведших к появлению отдельных категорий предметов материальной и духовной культуры или их изменению. В I–II в. н.э. в погребениях остальных на территории Среднего Прикамья появляются палашы – оружие, которое получит свое основное распространение в период VII–IX в. н.э. Отсутствуют основания связывать происхождение палашей с развитием комплекса вооружения местного пьяноборского населения, палаша с большей вероятностью являлись внешним заимствованием. В рамках предложенной статьи рассматривается версия появления в I–II вв. н.э. у населения Прикамья палашей в результате контакта с представителями военного отряда, совершившего через территорию региона транзитную миграцию. Исходной точкой начала миграции мог стать один из регионов Зауралья. Военный отряд, двигаясь по берегам рек Белой, Камы, Волги и их притоков, мог не только стать источником искомого оружия, но и вовлечь в свое движение на запад часть пьяноборского населения. Деятельность представителей отряда и лиц, к нему присоединившихся, привела к формированию в Окско-Сурском междуречье андреевско-писеральской общности.

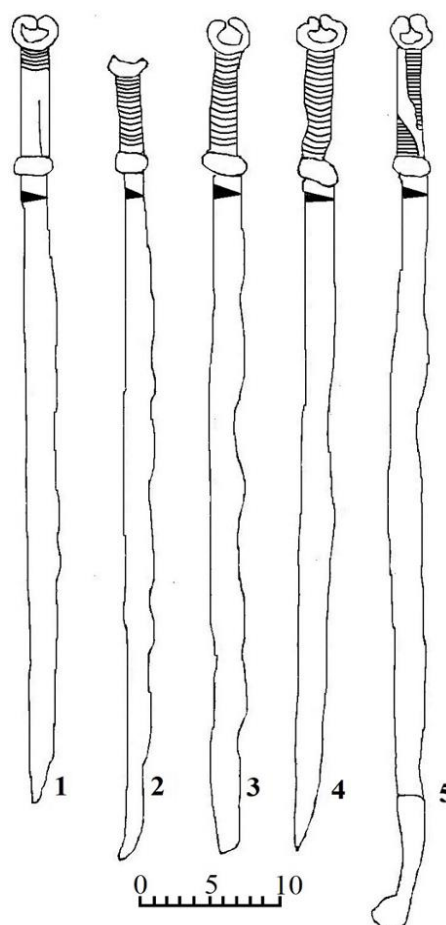
Ключевые слова: палаш; Среднее Прикамье; Среднее Поволжье; Зауралье; пьяноборская общность; андреевско-писеральская общность; транзитная миграция; военно-транспортные магистрали; могильники; мигранты; длинноклинковое оружие; культурно-географический регион; сарматы; погребальная обрядность; археологические культуры населения Сибири.

Прикамье – культурно-географический регион, природные условия которого во многом образованы р. Камой и ее притоками. Научное изучение культурного наследия населения Прикамья ведется уже около 150 лет, благодаря чему собраны значительные коллекции предметов материальной и духовной культуры, относящихся к различным историческим эпохам. Многолетние исследования отечественных ученых, посвященные анализу и интерпретации артефактов древности, позволяют сегодня выявить часть исторических процессов и событий без привлечения данных письменных источников.

В период II в. до н.э. – III в. н.э. на территории от нижнего течения р. Вятки до среднего течения р. Белой существовала пьяноборская культурно-историческая общность. В I–II вв. в захоронениях некоторых представителей пьяноборской общности появляется длинноклинковое оружие, категория предметов, не характерная для погребальной обрядности не только для населения Прикамья, но и для представителей большинства регионов евразийского пространства.

Появление в составе погребального инвентаря любой категории предметов не может являться случайным или необдуманным шагом. Наличие в могилах оружия, характерного для профессиональных воинов, является отражением процессов, затронувших не только материальную культуру и мировоззрение, но и социально-политическую структуру древних обществ.

Среди оружия, попавшего в могилы, представляют интерес палашы, рукояти которых были снабжены перекрестиями и навершиями антенновидной (калачевидной) формы. Подобное оружие обнаружено в ходе раскопок погр. 71, 78, 79 Ныргандинского II, погр. 733, 1317 Тарасовского, погр. 133, 143 Афонинского (рис. 1: 4–5), погр. 7 Чегандинского II могильников [1, с. 9; 2, с. 2, 3; 3, табл. 329: 19, табл. 509: 10; 4, рис. 3; 5, табл. XI: 1].

Рисунок 1 – Палашы населения Волго-Камского междуречья.

- 1 – «картофельная яма», Андреевский курган;
- 2 – погребение 21, Андреевский курган;
- 3 – погребение 43, Андреевский курган;
- 4 – погребение 133, Афонинский могильник;
- 5 – погребение 143, Афонинский могильник

В раннем железном веке палаша не получают существенного распространения среди населения лесных и степных регионов западной части евразийского пространства. Еще меньшее число подобных находок имело рукоятки упомянутой комплектации. Понимание происхождения подобного оружия, возможно, позволит понять суть исторических процессов, приведших к социально-политическим изменениям, отражением которых оказывается появление палашей в погребениях.

Погребальная обрядность захоронений, содержащих палаша, не имеет существенных отличий от обрядности большинства представителей пьяноборской общности, что позволяет предполагать принадлежность умерших к местному населению. При этом отсутствуют основания предполагать, что палаша возникли в среде населения Прикамья. Соответственно, источник поступления оружия необходимо искать в среде представителей иных регионов и культур.

К населению Прикамья многие предметы «импорта» поступали из сарматской среды. Учитывая роль, которую играло вооружение в жизни кочевников, можно предположить, что источник или источники поступления палашей могли находиться в степных регионах. Однако высказанную версию не подтверждают археологические данные. В ходе раскопок сарматских памятников оружие с длинным однолезвийным клинком было найдено в погр. 4 кургана 13 могильника Старые Киешки погр. 1 кургана 9 могильника Альмухаметово [6, с. 99, табл. VI: 8; 7, с. 125, табл. XXIII: 3]. Количество подобного оружия и особенности его конструкции не позволяют рассматривать контакты с кочевниками приуральских и поволжских степей как источник получения палашей для населения Прикамья.

Соответственно, искать источники поступления оружия необходимо в других регионах. В I–II вв. н.э. палаша использовались населением андреевско-песеральской общности Окско-Сурского междуречья Среднего Поволжья. В ходе раскопок погр. 13 Кошибеевского, погр. 21, 32, 43, «картофельной ямы» Андреевского кургана (рис. 1: 1–3) были обнаружены палаша [4, рис. 2: 1, рис. 3: 1–4]. Оружие, обнаруженное при раскопках Кошибеевского и Андреевского могильников, можно считать точными анало-

гиями прикамским находкам не только в особенностях конструкции рукоятей и клинков, но и в оформлении ножен. Аналогии позволяют предположить наличие единого источника поступления палашей для населения Прикамья и Поволжья.

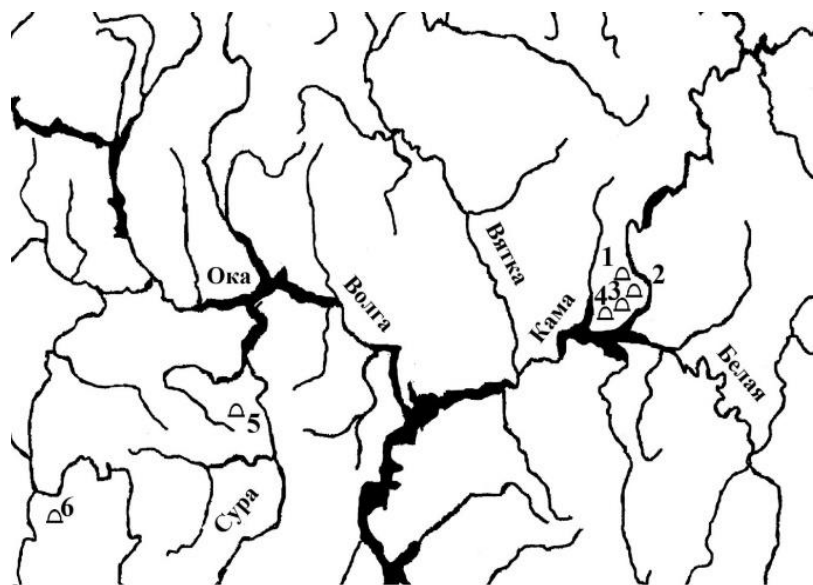
Возникает закономерный вопрос о том, появились ли палаша с антенновидными (калачевидными) навершиями в результате деятельности поволжского населения и каким образом подобное оружие могло попасть в Прикамье.

Ряд захоронений, оставленных на территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья, имеют существенные отличия от погребальной обрядности большинства населения, проживавшего в Поволжье в I–III вв. н.э. Это особенности обрядности, заключающиеся в наличии курганных насыпей, комплексов защитного и наступательного вооружения, захоронения «рабов», фрагментов костяка лошади. Перечисленные особенности позволяют связать происхождение курганно-грунтовых могильников Среднего Поволжья с появлением в регионе групп инокультурного населения.

П.Д. Степанов рассматривал появление андреевских курганов как результат взаимодействия представителей городецкой, пьяноборской и сарматской культур [8, с. 46–47]. Иную концепцию выдвинул К.А. Смирнов, предложивший разделить погребения Андреевского кургана на два самостоятельных памятника. Грунтовые погребения отнесены к результатам деятельности сармат, в то время как курганные погребения связывались с традициями городецкой культуры [9, с. 3–6].

Г.И. Матвеева выступила сторонником западного импульса, связывая формирование андреевских памятников с процессами интеграции в Среднем Поволжье пьяноборских и городецких племен при участии пшеворско-зарубинецких компонентов [10, с. 160].

А.Х. Халиков предположил, что возникновение курганно-грунтовых могильников Среднего Поволжья связано с включением в местную среду представителей позднесарматской, пьяноборской и южносибирской общностей [11, с. 15–16]. В.В. Гришаков, С.Э. Зубов связывают происхождение мигрантов с представителями пьяноборского и зауральского населения [12, с. 86–88].

Рисунок 2 – Территория распространения палашей в Волго-Камском междуречье.

1 – Афонинский могильник; 2 – Тарасовский могильник; 3 – могильник Нырганда II;

4 – могильник Чеганда II; 5 – Андреевский курган; 6 – Кошибеевский могильник

На наш взгляд, можно выдвинуть две гипотезы появления палашей на территории Окско-Цнинско-Сурского междуречья. Первая связана с возможностью появления в регионе представителей сарматской общности. Вторая гипотеза основана на предположении о связи переселенцев с группами зауральского (южноуральского) населения.

В качестве подтверждения сарматской версии происхождения мигрантов приведем доводы, выдвинутые В.И. Вихляевым. Исследователь связывает с сарматами приток в Среднее Поволжье спиралевидных височных подвесок, мечей и кинжалов с кольцевидным навершием, трехлопастных наконечников стрел, футляров для наконечников копий, кольчуг и шлемов. Погребальная обрядность, характерная для сармат, выразилась в наличии курганных насыпей, под которыми находились глубокие могильные ямы с плечиками и меридиональной ориентировкой, погребения «вождей» и присутствие «военных трофеев» [13, с. 51–52].

Появление в Среднем Поволжье сармат является вполне допустимым предположением. Однако их роль в распространении ранних палашей вызывает сомнение. На это указывает небольшое количество находок однолезвийного длинноклинкового оружия, обнаруженного при раскопках памятников, оставленных на территории Нижнего Поволжья, Южного Урала и Северного Причерноморья.

Вторая версия появления палашей основана на предположении о присутствии в Среднем Поволжье групп зауральского населения. В подтверждение гипотезы В.В. Гришаков, С.Э. Зубов приводят следующие особенности погребальной обрядности, рассматриваемые как опровержение сарматской версии происхождения мигрантов: наличие курганных насыпей известно по памятникам саргатской, гороховской и кашинской культур Западной Сибири; захоронения в глубоких могилах с плечиками в комплексе с меридиональной ориентировкой считаются нетипичными для сармат; происхождение подобных захоронений связывается с населением Зауралья и Западной Сибири; расположение могил вокруг центрального погребения рассматривается как характерная черта саргатских могильников, функционировавших в период II в. до н.э. – II в. н.э. Могилам в форме прямоугольной камеры и четным количеством ямок от столбов, расположенных симметрично друг другу вдоль стенок, авторы находят аналогии среди Абатских могильников [12, с. 76–78].

На наш взгляд, В.В. Гришаков и С.Э. Зубов абсолютно справедливо оружие, конскую упряжь, элементы одежды и украшения не трактуют как однозначные этномаркирующие признаки. Для приобретения любой категории предметов необязательно иметь прямые контакты с населением, их создавшим.

В сравнении с сарматской версией гипотеза о продвижении в Поволжье групп зауральского населения имеет большие перспективы в разрешении проблемы распространения палашей. В раннем железном веке палаша являлись частью комплекса вооружений представителей кокзельской, верхнеобской, таштыкской, берельской культур [14, с. 79–80, 100, 119–120]. В.П. Никоноров и С.Ю. Худяков предположили, что палаша получили распространение на территории Сибири во время военных походов хунну [15, с. 82–91]. Палаша были известны противникам

хунну – племенам сяньби, которые могли оказать влияние на комплекс вооружения представителей кок-пашской, кокзельской, улуг-хемской и в меньшей мере таштыкской культур [16, с. 45–46; 15, с. 92–93].

Группа мигрантов, пришедшая из Зауралья, с большей вероятностью могла иметь на вооружении палаша, нежели сарматы, проживавшие в западных степях.

Если в Поволжье мигрировала группа зауральского населения, то какое отношение она имела к развитию статусного вооружения представителей культур Прикамья? В статье, опубликованной в 2007 г., С.Э. Зубовым была предпринята попытка картографировать памятники, при раскопках которых были обнаружены палаша. Интересующие памятники расположены вблизи рек Белой, Камы и Волги или их притоков [4, рис. 1]. В древности русла и побережья крупных рек являлись транспортными артериями, по которым перемещались товары и группы населения. И.А. Бажан и И.О. Васкул описали подобные объекты понятием «военно-торговые магистрали» [17, с. 76–89]. Путь мигрантов вполне мог проходить через прикамскую часть военно-транспортных магистралей, пролежавших вдоль рек Камы и Белой и их притоков.

В пользу гипотезы движения через территорию Прикамья групп населения, принявшего участие в формировании андреевско-писеральской общности, могут свидетельствовать материалы раскопок Кипчаковского I могильника. Могильник относится к категории курганно-грунтовых, как и многие памятники андреевской общности [18, с. 79]. Для прикамского населения пьяноборского времени нехарактерна практика совершения курганных насыпей. В провале между погр. 12 и 13 обнаружен фрагмент обработанной человеческой челюсти, снабженной системой сквозных отверстий для подвешивания [18, с. 79]. Аналогичные находки присутствовали в погр. 25/1 и 37 Андреевского кургана [12, с. 56]. В погр. 53, кроме отсеченного черепа, покоящегося на груди умершего, присутствовали металлические пластины от доспеха, а в погр. 56 находился пластинчатый шлем [18, с. 79–85]. В Окско-Сурском междуречье шлемы и кольчуги найдены в погр. 21–1 и 50 Андреевского кургана. В грабительских вкопах, оставленных на территории Пильнинского I могильника, найдено 2 шлема, фрагменты доспехов кольчужного плетения и чешуйки ламеллярного доспеха [19, с. 52]. По крайней мере, фрагменты одного палаша были обнаружены во время раскопок памятника.

По мнению С.Э. Зубова, погребальный обряд Кипчаковского могильника характерен для представителей пьяноборской культуры, но наличие курганных насыпей и ряд особенностей инвентаря позволяют предполагать включение в местную среду группы инокультурного населения [18, с. 85]. Аналогии погребальному обряду подкурганых захоронений кипчаковского некрополя находятся в материалах гафурийско-убаларских памятников и древностей лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири [18, с. 85]. Материалы раскопок Кипчаковского I могильника могут свидетельствовать о проникновении через территорию Прикамья группы мигрантов, осевших в Среднем Поволжье. В период нахождения мигрантов на территории Прикамья местное население тем или иным способом могло познано-

миться с комплексом их вооружения и позаимствовать палаша для своего использования.

В процессе анализа результатов раскопок Писеральских курганов А.Х. Халиков отметил наличие ярких проявлений культурных черт, характерных для прикамского населения. Среди них присутствуют поясные наборы с умбовидными бляшками, имевшими жгутовидное оформление края, застежки с неподвижным крючком, наконечники ножен, удила с псалиями, бусы с внутренней позолотой, медные и железные сюльгамы, сапожковидные подвески, круглые нагрудные бляхи, прямоугольные бляхи с пуговчовидными выступами [19, с. 134–135; 20, с. 107].

По мнению П.Д. Степанова и Г.И. Матвеевой, количества предметов, находящихся прямые аналогии в материалах прикамских культур, достаточно для предположения о переселении в Среднее Поволжье групп пьяноборского населения [8, с. 46–47; 10, с. 160].

Рассматривая версию миграции в Поволжье части прикамского населения, стоит принять во внимание следующие наблюдения. По мнению С.Э. Зубова, «большая масса вещей из писеральско-андреевских комплексов имеет близкие, но не абсолютно идентичные аналогии из памятников второй стадии пьяноборской культуры» [20, с. 108]. К примеру, сапожковидные подвески применялись в андреевской среде как украшение пояса. У пьяноборского населения не сложилось четкой традиции употребления подобных привесок. Подвески могли использоваться или как часть височного украшения, или как часть концевой привеска нагрудного украшения в сочетании с бляшками [20, с. 109].

Важным свидетельством передислокации групп населения является изменение керамической традиции. У представителей андреевской общности керамические изделия представлены плоскодонными горшками и банками, формовочная масса которых содержала примеси шамота. В качестве украшений изделий изредка использовались защипы или насечки, идущие по венчику. При раскопках андреевских памятников не выявлено круглодонных сосудов, содержащих в своем составе примеси речной раковины, украшенных «пояском» в виде ямок, идущих по шейке горшка, характерных для среднекамского населения [20, с. 107].

Противоречие между наличием на территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья предметов «пьяноборского облика» и отсутствием многих традиций, характерных для данного населения, можно объяснить через гипотезы, выдвинутые С.Э. Зубовым и А.П. Зыковым.

Согласно гипотезе С.Э. Зубова, в Поволжье проникает военный отряд, а не группа мигрантов с различным половозрастным составом [18, с. 111]. Принадлежность умерших к военным формированиям лучше объясняет причины наличия в погребениях большого количества оружия, таких специфических черт погребальной обрядности, как захоронения «рабов», совершаемые в одной могиле с «воином», наличие амулетов, сделанных из человеческих костей.

Военный отряд способен за относительно короткий срок переместиться с территории Зауралья в Поволжье. Рассматриваемая дружина к моменту начала своего движения вполне могла иметь поликультурный состав. В процессе своей передислокации из Зауралья в Поволжье этнический состав военного отряда мог продолжать изменяться за счет включения в

него как отдельных людей, так и целых групп. После появления в Окско-Цнинском междуречье рассматриваемой группы процесс включения в состав дружины представителей иноэтнических общностей мог продолжаться в течение всего существования андреевско-писеральской общности. Подобное предположение объясняет множество аналогий, находимых в погребальной обрядности андреевско-писеральского населения и обрядности представителей сарматской, пьяноборской, южносибирской, пшеворско-зарубинецкой культур.

Возможно, прав А.П. Зыков, считающий, что из Прикамья в Поволжье ушла группа мужчин, среди которых были кузнецы и бронзолитейщики [21, с. 71]. Вызывает сомнение трактовка причин переселения, связываемая исследователем с поражением некой военизированной группы в гражданской войне, развернувшейся на территории Среднего Поволжья. На наш взгляд, недостаточно обосновано предположение Зыкова о том, что памятники андреевско-писеральского типа возникли в результате завоевания части городецкого населения немногочисленными пьяноборскими дружинами [21, с. 71]. Пьяноборский компонент в андреевских древностях присутствует, но его сложно считать доминантным. Уход части представителей пьяноборской культуры в Поволжье с большей вероятностью мог быть связан с транзитной миграцией упомянутого выше военного отряда, нежели с гражданской войной, произошедшей в Прикамье.

Если в Окско-Цнинском междуречье появилась обладающая ремесленными навыками группа мужчин, происхождение которых связано с пьяноборской общностью, это объясняло бы причины наличия у поволжского населения изделий, прототипы которых восходят к материалам прикамских культур, а также причины отсутствия изменений в керамической традиции и изменения в использовании определенных элементов одежды и украшений. Представительницы прикамского населения могли не оказывать влияния на культуру формирующейся андреевско-писеральской общности.

Между представителями пьяноборской и андреевско-писеральской общностей могли сохраняться долговременные контакты, выраженные не только в торговых отношениях, но и в совершении совместных военных походов.

В пользу совершения населением лесных зон дальних военных походов высказались С.Э. Зубов и О.А. Радюш: «Появление в погребениях Андреевского и Староардановского курганов Пильнинских I и II могильниках сегментно-пластинчатых шлемов, копий-пилумов, кольчуг, римской металлической посуды, фибул типа «Aucissa» связано с участием поволжского населения в походах во владения Римской империи» [22, с. 92].

В Прикамье при раскопках Ново-Сасыкульского могильника было обнаружено 14 античных фибул, 2 из которых представлены раннеримскими шарнирными фибулами «Aucissa» [12, с. 83]. Аналогичные фибулы найдены в погр. 33 и 53 Андреевского кургана, и еще 2 изделия обнаружены в засыпи кургана [23, с. 128]. В материалах раскопок Ново-Сасыкульского, Кошибеевского, Польно-Ялтуновского могильников и Андреевского кургана присутствуют гривны со скользящей петлей. Сопоставимые шейные украшения использовались населением Крыма и Северного Кавказа в период конца I в. до н.э. – первой по-

ловины III в. н.э. [23, с. 132–133]. Среди подобных предметов могли быть двушипные наконечники стрел и дротиков, выявленные при раскопках андреевских и пьяноборских памятников [23, с. 131].

Совместные военные походы населения Среднего Прикамья и Среднего Поволжья могли способствовать не только приобретению импортов, полученных в качестве трофеев, но и оказывать влияние на комплекс вооружения населения обоих регионов.

Подводя итог вышеизложенному, можно остановиться на следующих пунктах. Появление у представителей пьяноборской общности палашей связано с заимствованием у военного отряда, совершившего транзитную миграцию в Среднее Поволжье с территории Зауралья. Данный военный отряд мог вовлечь в свое движение на запад часть представителей прикамского населения. Появление длинноклинкового оружия в составе погребальных комплексов, оставленных на территории Прикамья, стоит рассматривать как одно из отражений процессов перехода части местных обществ к стадии общественного развития, именуемой военной демократией. Причины изменения общественных отношений, с одной стороны, могли быть связаны с влиянием мигрантов. С другой стороны, происходящие изменения могли протекать и под влиянием внутренних факторов. Распространение и развитие технологий черной металлургии способствовало замене орудий труда из цветных металлов на железные. Железные орудия труда повышали его эффективность и тем самым могли обеспечить получение прибавочного продукта, порождающего экономическое неравенство. Экономическое неравенство могло способствовать политическим и социальным изменениям, характерным для стадии военной демократии. В различные исторические эпохи в среде населения Прикамья могли развиваться процессы, способствовавшие переходу от стадии родоплеменных отношений к военной демократии, но не всегда эти процессы получали свое логическое завершение, и местные общества оставались на одной стадии развития длительное время.

Список литературы:

1. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках могильника Нырганда II Каракульский р-он Удмуртской АССР, произведенных удмуртским отрядом Нижне-Камской экспедиции в 1968. Свердловск, 1969. С. 2–35 // Личный архив д-ра ист. наук Т.И. Останиной.
2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках могильника Нырганда II Каракульский р-он Удмуртской АССР, произведенных удмуртским отрядом Нижне-Камской экспедиции в 1969. Свердловск, 1970. С. 1–91 // Личный архив д-ра ист. наук Т.И. Останиной.
3. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2004. 721 с.
4. Зубов С.Э. Ранние палашы Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 124–133.
5. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 11. Ижевск–Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1971. 196 с.

6. Садыков М.Х. Сарматские памятники Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 115. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 242–273.

7. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 203 с.

8. Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 116 с.

9. Смирнов К.А. О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья: мат-лы науч. конф. Пенза: ПГОКМ, 1992. С. 3–6.

10. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 158–171.

11. Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Вып. 12. Йошкар-Ола: АЭМК, 1987. С. 8–24.

12. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

13. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Изд-во «Красный Октябрь», 2000. 132 с.

14. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

15. Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение»; М.: Изд-во «Филоматис», 2004. 320 с.

16. Худяков Ю.С., Юй С.-Х. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Вып. 5. Горно-Алтайск: АКИН, 2000. С. 37–48.

17. Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья: материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 11. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1988. С. 80–85.

18. Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры. Уфимский археологический вестник. Вып. 6–7. Уфа: Изд-во «Гелем», 2007. С. 72–88.

19. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Труды МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

20. Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 208 с.

21. Зыков А.П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник. Вып. 10. Уфа: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (ИИЯЛ УНЦ РАН), 2011. С. 15–25.

22. Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир: мат-лы VIII всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 94–105.

23. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Вып. 3. Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. С. 126–141.

THE APPEARANCE OF BROADSWORDS IN THE MIDDLE KAMA REGION IN THE I–II CENTURIES AD

© 2019

Malykh Oleg Olegovich, researcher of Kama Archeologist-Ethnographic Expedition
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation)

Abstract. In modern archaeology researchers try to go from existing finds description and systematization to considering possible variants of the processes or even the events that led to certain objects of material and spiritual culture or their change. In the I–II centuries AD broadswords appeared on the territory of the Middle Kama region; the weapon that would be distributed in VII–IX centuries AD. There are no grounds for linking the origin of broadswords with the development of the armament complex of the local population; broadswords were more likely to be external borrowings. This paper considers a version of broadswords appearance among the population of Prikamye in the I–II centuries as a result of a contact with military detachment representatives who committed a transit migration through the territory of the region. The starting point of the migration beginning could be one of the Trans-Urals regions. A military detachment, moving along the banks of the Belaya, Kama, Volga rivers and their tributaries, could not only become a source of the weapon, it could also engage a part of the Pyanoborsk population to their movement to the west. The activities of the detachment representatives as well as of those who were attached to it led to the formation of the Andreevsko-Piseral'sky community in the Oka-Sursk interfluvium.

Keywords: broadsword; Middle Kama region; Middle Volga region; Trans-Urals; Pyanoborsk community; Andreevsko-Piseral'sky community; transit migration; military transport routes; burial grounds; migrants; long-link weapons; cultural-geographical region; Sarmatians; burial rituals; archaeological cultures of Siberian population.

* * *

УДК 902/904

DOI 10.24411/2309-4370-2019-13212

Статья поступила в редакцию 28.05.2019

О ЮЖНОРУССКОМ СЛЕДЕ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПАШЕННОЙ ФОРМЫ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

© 2019

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент,
исполняющий обязанности заведующего кафедрой отечественной и всеобщей истории, археологии
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы происхождения на территории Пермского Предуралья на рубеже XI–XII вв. пашенной формы обработки земли. В этот период времени получают распространение новые виды орудий – рала с железными широколопастными наконечниками – ральниками. Был проведен анализ находок наконечников на рассматриваемой территории и их сопоставление с подобными находками с территории Древней Руси. Проанализировав находки южнорусских изделий, найденных на территории Пермского Предуралья, мы пришли к выводу, что они встречаются совместно с вещами из Волжской Булгарии и иногда с находками железных наконечников пахотных орудий. Волжская Булгария, будучи одним из крупнейших средневековых государств Восточной Европы, активно влияла на финно-угров, проживающих в Прикамье, а также имела прямые контакты с Древнерусским государством через торговые пути. В Волжской Булгарии обнаружены изделия с южнорусских территорий, датирующиеся X–XI вв. Таким образом, возникновение пашенного земледелия и появление на территории Пермского Предуралья железных широколопастных наконечников пахотных орудий – ральников – связывается с распространением традиций земледелия с южнорусских территорий через посредничество и влияние Волжской Булгарии.

Ключевые слова: хозяйственно-культурный тип; пашенная форма обработки земли; широколопастные ральники; рало; Пермское Предуралье; Древняя Русь; Волжская Булгария; южнорусские территории; севернорусские территории; торговый путь; посредничество; путь из Булгара в Киев; картографирование.

Форма земледелия, понимаемая нами как основной способ обрабатывания земли, всегда зависит от используемого земледельческого орудия. Форма земледелия может быть беспашенной (с использованием мотыги) и пашенной (ральной, сошной и плужной). На территории Пермского Предуралья на рубеже XI–XII вв. происходит переход к новому хозяйственно-

культурному типу – пашенному земледелию с использованием тягловой силы и пастушескому животноводству. В это время на широкой территории Верхнего Прикамья получают распространение широколопастные ральники (по археологическим данным известно более 70 местонахождений ральников, имеется информация о 240 целых наконечниках и 7 обломках).